

ЛЕРМОНТОВ
ВЛАДИМИР

VLADIMIR LERMONTOV

*Праздник
навсегда*

БОЛЕЕ
1000000
ЧИТАТЕЛЕЙ

*Красивая повесть
о бессмертии*

Владимир Юрьевич Лермонтов

Праздник навсегда. Красивая повесть о бессмертии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12627669

Лермонтов В. Праздник навсегда! Красивая повесть о бессмертии: Амрита; Москва; 2012

ISBN 978-5-413-00738-9

Аннотация

Людам нужна надежда. Людям нужна вера. Мы все стремимся постичь смысл своего существования. В неосознанном поиске этих труднодостижимых, но необходимых для счастья условий, мы, как слепые котята, натыкаемся на углы и страдаем. А между тем... Чудеса с нами происходят постоянно, только мы их не замечаем, не видим. Жизнь, которую нам даровал Господь, сама по себе – уже чудо. Мы дышим, любим, наслаждаемся красотами природы – и все это истинное чудо, к которому мы привыкли и которое принимаем как должное. Нам Всевышний даровал праздник, который всегда с нами, и мы должны праздновать жизнь, а не проплакивать ее. И книга «Праздник навсегда» – волшебный компас, который поможет ориентироваться в мире чудес, окружающих нас повсеместно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В. Лермонтов

Праздник навсегда! Красивая повесть о бессмертии

© Лермонтов В., 2010

© Оформление. ООО «Амрита», 2012

* * *

Эта захватывающая и удивительная история, похожая на сказку, случилась с автором, когда он не ждал от жизни никаких чудес. Встреча со старцем, собравшим всю мудрость Земли, и полуфантастические события, в которые вовлекается автор, резко изменяют его жизнь. Сейчас у вас в руках не просто книга, а чудо, которое стучится в дверь вашего сердца, чтобы привнести в него радость, мир и любовь!

Ветер стучится к нам
в окна и двери. Что это?
— Это сказка просится войти
в наш дом, нашу жизнь.
Мы были детьми, и чудеса приходили
к нам просто так,
ибо мы были открыты
и доступны для них.
Когда мы стали взрослыми,
то затворили двери своей души, сердца,
и потому с нами не случается праздника.
Как нам стать снова детьми, чтобы сказка
вновь стала приходить к нам?

Глава 1

Никто не знал, откуда появился этот старик в поселке. Тогда стояла поздняя осень, и всепроницающая сырость и пронизывающий холод не выпускали надолго жителей на улицу. Как было приятно сидеть у печи, греться, пить чай и глядеть на потрескивающие головешки в топке! В тот день стоял такой густой туман, что в десяти метрах ничего не было видно. В воздухе можно было разглядеть парение мельчайших крупинок влаги и прикоснуться к ним рукой. Тем, кто вовремя не позаботился о дровах, приходилось покидать свое жилище и отправляться в лес за сушняком. Грибная пора уже прошла, но грибы кое-где еще виднелись. В таком тумане могли заблудиться даже жители поселка, которые с малолетства знают здесь каждую тропинку, каждое дерево и каждое ущелье. Такое происходило не однажды. И всякий раз выручала в таких случаях железная дорога и автомобильная трасса, которые проходили посередине поселка, разрезая его ровно на две половины. Когда поймешь, что заблудился, слушай шум поездов, машин и ступай на звук. На тропинки и дороги уже смотреть незачем, просто иди по лесу напролом. Ведь лукавые лесные духи так затуманят голову и запутают, что будешь идти по дороге, которую знаешь всю до мельчайших подробностей, но будет казаться, что видишь ее впервые и раньше на нее твоя нога никогда не ступала.

Мой маленький глинобитный домик расположился на склоне горы, в полукилометре от низины, по которой пролежала трасса. Выше него небольшая живописная полянка, а дальше – сплошной лес до самой вершины. На полянке стоят часовенка и колоколица, которые мы соорудили из дерева вместе с моим другом. Они похожи на теремки, какие делают в детских садах для игр. А еще они похожи на двух странников, один, колоколица, высокий и худой, чуть склонивший голову набок, как бы стеснясь своего роста, а другой, часовенка, низкий и полный. Как древние чудные путешественники, вынырнули они из другого мира, другого пространства, другого времени и на миг застыли на поляне, разглядывая все, что открылось их взору. И кажется, что сейчас они вот-вот шевельнутся и двинутся в свой бесконечный путь по бескрайним дорогам Земли. Они рассказывают людям о главном, вечном и неизменном. Ведь люди часто забывают, для чего они живут, для чего создан этот мир, и тогда приходят беды, страдания, слезы. А эти вестники напоминают о забытой радости, об утраченном счастье, о потерянной любви. Но еще они были моими друзьями, и я с ними даже разговаривал, ласково поглаживая шероховатые стены, и мне казалось, что они отвечали взаимностью. У колоколицы был свой язык. На ней висели два небольших колокола и два рельса, и она говорила со мною легким перезвоном. Даже если не было ветра, рельсы раскачивались неведомой силой, и от ударов разносился мелодичный звук. А часовенка давала мне знать о том, что слышит меня, тем, что вдруг наполнялась благовониями и легкий ветерок ходил внутри и колыхал огоньки лампадок и свечей.

Здесь, в одиночестве и удаленности от суеты мирской, я вел свои сокровенные беседы с Богом. Каждый день утром и вечером я поднимался на поляну, забирался на колоколенку и звонил. Звонил, чтобы Всевышний услышал меня, мои молитвы, чтобы не забывал, что есть на Земле такой маленький и незаметный человек – как я. Потом шел в часовню, и, если было масло, зажигал лампадку, и, став поближе к маленькому оконцу, начинал сердечный разговор. Сначала казалось, что меня никто не слышит и мои слова растворяются в пустоте, будто я разговариваю сам с собой. Но потом пустота вдруг оживала и приходила в трепетное волнение. На сердце нисходила благодать, а в душе становилось так мирно и спокойно, как бывает солнечным летним днем в полдень на озерце, сокрытом в дремучем девственном лесу, куда не проникает даже легкий ветерок и не нарушает кристальной глади воды, в которой резвятся озорные золотистые рыбки.

Снизу доносился непрерывный гул машин, иногда заглушаемый грохотом проходящего поезда. Там, в машинах и вагонах, сидели люди, они куда-то спешили, ведь люди всегда спешат, им нужно куда-то успеть, иначе будет расстройство и счастье не придет к ним. Но счастье – хитрая вещь: чем быстрее за ним гонишься, тем быстрее оно убегает от тебя. Люди придумали скоростные машины, которые могут обогнать даже ветер, но счастье тоже прибавило газу, так и маячит перед носом, а ухватиться за себя не дает.

Когда-то я тоже участвовал в этой гонке за счастьем, но так и не догнал его. Занимался этим я до тех пор, пока не понял, что счастье нельзя догнать, его можно только дожидаться и впустить в свой дом, в свое сердце. Оно на самом деле не убегает, а догоняет человека, и потому, чтобы счастье посетило твою жизнь, нужно не бежать, а остановиться, замереть и не суетиться. Истина приходит в молчании, ибо она сама по себе очень тиха и нежна, и ее важно не спугнуть водоворотом мыслей и чувств, суетой и волнением.

Я потихоньку учился принимать истину, я учился молчать, хотя давалось это трудно. Лишь долгие молитвы успокаивали ум, утомляли его, и тогда он на какие-то мгновения прекращал «варить свое вечное зелье из одних и тех же продуктов – мыслей», и впадал в дремотное состояние. Именно в эти моменты небесная нежность, как птица, касалась своим легким крылом моей души, и все мое существо приходило в несказанный трепет и благодатное волнение. Это продолжалось недолго, ибо ум, учуяв нежданное посещение, пробуждался и тут же давал сигнал к осмыслению происходящего: включалась мозговая бетономешалка – и божественные волны угасали и исчезали. Я начинал все сначала, и это походило на игру в прятки: я прятался от своего старого, болезненного существа, и пока оно меня искало, душа уносилась в небесную даль. Это было трудно – спрятаться от себя самого, но эта игра со своим собственным разумом стоила того, чтобы пережить эти бесподобные мгновения небесной благодати и радости.

Иногда ничего не получалось, я не мог уйти от себя, мое старое «я» преследовало меня неотступно, и тогда наступал сезон глубокого уныния, будто небо моей души заволокли непроницаемые тучи и непрерывно шел дождь. Именно в такой день я впервые встретил этого странного старика.

С утра сходил недалеко в лес, собрал толстые ветки и, связав их веревкой, принес вязанку домой. Потом ломал их ударами ноги, а то и просто руками, так как они были гнилые. То, что ломалось легко, плохо горело, а то, что невозможно было перебить даже обухом топора, в печи давало жар. И тогда мне подумалось, что то, что дается легко, – гнилое и потом от него не будет никакого проку, а то, что достается с трудом, потом принесет благодатный плод, согреет.

В домике у меня жил котенок с белой шерсткой и черными пятнами. Как-то приболел он бог весть откуда. Был тощий, грязный, а главное – слепой. Тыкался мордочкой и постоянно ударялся о различные препятствия. Покормил я его хлебушком, размоченным в молоке, помыл в тазике теплой водой, и он стал членом моей маленькой лесной обители. Много раз мне говорили, чтобы я его утопил, ведь он всю жизнь мучиться будет, а у меня от таких советов внутри все переворачивалось. Какой бы ни был, он – тварь Божия, разве имею право я отнимать у кого бы то ни было жизнь? Ну, даже если и слепой, так что ж ему, не жить?

Назвал я его Лучиком. Моя большая лохматая собака Ассоль встретила появление четвероногого пришельца как полагается всякой собаке, но тут же была сражена его открытостью и незащищенностью. Лучик терся о собачью морду, а Ассоль открывала пасть и слегка покусывала котенка, сама себе, видимо, не давая отчета, куда подевалась ее агрессия. Более того, они вскоре так подружились, что, когда Ассоль спала, Лучик забирался на нее и принимался месить своими лапами ее пышную шерсть. Он выпускал когти, что, видимо, доставляло Ассоль удовольствие. А потом Лучик засыпал прямо на живой подушке, и если бы вы видели эту картину, то наверняка умилились бы и разуверились в пословице, что кошка

с собакой живут в ненависти друг к другу, ибо эта картина мира и согласия между двумя непримиримыми животными являла совершенно противоположное. Кошка с собакой могут жить в согласии и даже любви, что людям между собой почти не удается.

Постепенно Лучик освоился с предметами, мебелью, дверями и кое-как перемещался с наименьшими соприкосновениями. Правда, далеко он не ходил, только на площадке перед домиком погуляет – и обратно. Иногда у него плохо выходили прыжки на кровать или стул: он промахивался и падал. Но самое главное – он понял, что обрел свой дом, свое место, своего хозяина, и друга в лице Ассоль.

Внизу, у дороги, располагались два маленьких продуктовых магазинчика. После того как в печи разгорелся более-менее нормальный огонь, я вышел из домика за продуктами и взглянул на крышу. Из печной трубы вертикально вверх мягко поднимался дым, который уже немного выше сливался с клубами тумана. Ассоль, сидевшая на поводке, встрепенулась и вскочила, выражая мне свои чувства по поводу того, что я собрался в магазин. Ей об этом сказала продуктовая сумка, накинутая на плечо. Она пристально смотрела мне вслед, пока я спускался вниз. Потом, когда я скрылся из вида, Ассоль принялась громко лаять, и ее голос разносился так далеко, что я слышал его даже у магазинчика.

Старик стоял около киоска, сгорбившись и опершись одним плечом на телеграфный столб. На нем был плащ с капюшоном, который закрывал все лицо, виднелась только густая седая борода. Жилистая рука держала палку – посох. Он стоял, не шелохнувшись и не подавая никаких признаков жизни и интереса к окружающему миру, проезжавшим машинам и проходящим людям. Если бы перед ним лежала шапка или он протянул руку ладонью вверх, то можно было бы подумать, что он просит милостыню, а так он был похож на человека, который на миг остановился, чтобы отдохнуть. Из-под полы плаща виднелась странная обувь. Я, конечно, не разглядывал, но мне показалось, что на ногах у него сандалеты с крестообразными ремешками. Я подумал, что в такой обуви долго не проходишь, тем более когда уже зима на носу.

В магазине я взял полкилограмма хамсы и булку хлеба. Потом решил спросить продавщицу об этом странном старике, не знает ли она о нем что-нибудь. Она ответила, что никого не видела, и это показалось мне странным, потому как старик стоял от магазинчика всего в десяти шагах. Я вышел из магазина, старик все так же находился на своем месте, не меняя позы и не шелохнувшись.

Поздним вечером, когда время уже приближалось к полуночи, я поднялся в часовенку, чтобы выполнить свое духовное правило – вечерние молитвы. С фонариком я проделывал этот путь до своей поляны. В воздухе пахло сыростью и кислой гнилью опавших листьев. Начинал накрапывать мелкий дождик. Движение машин на дороге приутихло. Я любил это время, когда весь мир успокаивался и люди прятались по домам, погружаясь в покой и сон. Казалось, что атмосфера Земли становилась более чистой и легкой, даже дышать можно было свободнее и глубже. Луч фонарика выхватывал у тьмы маленький кусочек, все остальное было погружено в глубокий, густой мрак. Мне подумалось, что вот так и человек должен быть маленьким фонариком в этой жизни, чтобы светить не только себе, но и другим людям, которые потерялись в потемках зла и невежества.

Привычно скрипнула дверь часовни, и я окунулся в атмосферу моей деревянной птицы, именно так я называю свою часовенку. Да она и похожа на птицу, которая присела перед полетом, чтобы оттолкнуться от земли и взмыть в небо. Сладкий, слегка пьянящий аромат дерева, ладана, воска, здесь царящий, успокаивает душу и настраивает мысли на высокое. Сердце, привычно захваченное спазмом мирских переживаний, успокаивается, будто камень спадает с него, и оно начинает биться в совсем ином ритме, нежели обычно. Собственно, сердце только здесь и расправляет свои невидимые крылья. Многие посетители моей часовенки признавались мне в том, что они тоже здесь чувствовали такую благодать и

покой, что хотелось им присесть на скамеечку, стоящую у стены, закрыть глаза и отдаться полностью этому несказанному состоянию. Говорили, что в эти мгновения понимали, что больше никуда не нужно идти, потому как они наконец-то пришли, достигли предела хождения по Земле, искания мира, любви и нежности.

Я соглашался с ними, мне было приятно, что мое чувство этого места совпадает с ощущениями посторонних людей. Но я не говорил им главного, своей главной тайны, что здесь – действительно конец Земли, ее предел, последняя точка, трамплин в небо. Невидимая лестница уходит вверх, к солнцу, звездам, Богу. Только тот, в ком сердце еще живо, еще не огрубело, не очерствело, может увидеть внутренним оком эту лестницу и пойти по ней. Это чудо может случиться с каждым, потому что настоящее чудо – для всех, кто действительно его хочет, кто готов распахнуть для него свое сердце.

После молитв я несколько минут с закрытыми глазами стою на коленях, опершись руками о пол и опустив голову на ладони. Многие не знают, что после молитвы нужно обязательно помолчать, хотя бы десять-пятнадцать минут. Это очень важно, ведь в эти моменты Всевышний беседует с человеком. Сначала мы говорим Ему, просим, советуемся, делимся своими радостями и печалями, а потом нужно обязательно послушать, что ответит Господь. Голос Бога очень тих, как шорох листка на ветру, как шелест травы, как шепот распускающегося бутона. В эти мгновения все должно замереть внутри и внимать вестнику небес. Будто ты ожидаешь дорогого гостя – убрал свой дом, украсил цветами, накрыл на стол, отворил окна и двери, а потом опустился на скамью, чтобы отдохнуть и насладиться ожиданием, ибо все сделал, что нужно для этой дорогой встречи.

И тут вдруг ветерок пройдет по часовне и обдаст каким-то неземным ароматом, или лампадка необычайно ярко вспыхнет, или колокола прозвенят. Можно, конечно, подумать, что эти знаки, посланные свыше, привиделись, показались, но так рассудит только тот, кто не слышал никогда голоса Всевышнего, кто не знает, как поет солнце на восходе, как все живое внемлет небу, как дышит Земля.

Я слышу, как по ночам вздыхает Земля-матушка, будто стонет от боли. Будто в недрах ее гул раздается, и поверхность слегка колеблется. Люди злобствующие ходят по ней, творят беззакония, а другие плачут от нужды, бессилия и несправедливости. Слезы человеческие падают на Землю, она чувствует это и вместе с людьми скорбит и переживает. Земля такая же живая, как человек, так же думает, чувствует, меняется, только, конечно, по-своему: у нее есть своя особенная жизнь. Есть у нее и сердце. Порой мне кажется, что именно здесь, на моей горе, сердце Земли ближе всего подходит к поверхности и можно слышать его удары.

Долго стоял я на коленях, даже слегка задремал, пока на крыше не послышался стук от начинающегося дождя. Шум нарастал, крупные одиночные капли сменились россыпью мелких капель, которые отбивали непрерывную дробь по доскам крыши. Я вышел наружу готовый к холодному душу и быстро направился к домику, оглянувшись на миг, чтобы осенить себя крестным знаменiem. Взглянув на крест часовни, я вдруг увидел, что прямо над нею – круг чистого неба! Вот так! Идет дождь, все небо – сплошная тьма, а над куполом часовни звезда сияет в лоскуте открытого неба. Сердце как-то радостно встрепенулось, екнуло, и я сказал: «Спасибо Тебе, Господи! За то, что вот таким маленьким чудом даешь мне знать, что Ты слышишь меня».

Пора было уже лечь спать, а сон как рукой сняло после этого ночного зрелища. Радость, как и печаль, равно не дают заснуть. Дождь все усиливался и наконец полил как из ведра. Ассоль заскулила, хотя у нее огромная шерсть и намочнуть ей невозможно, но почему-то дождя она побаивается и просится в дом, хотя может спрятаться и под навесом, в дровянике. Она радостно виляла хвостом, когда я впустил ее в дом, и в коридоре совершила свою обычную процедуру – основательно отряхнулась, едва я успел отскочить в сторону. «Ну, все-все, успокойся», – приговаривал я, запуская ее в комнату. Она, конечно, от радости

стремилась, как всегда, стать мне на грудь своими мокрыми лапами и лизнуть, но я увернулся от ласк и усадил ее на коврик у двери. Она улеглась и принялась облизывать свою шерсть, а я сел за стол и стал пить чай с сухарями.

Последнее время с деньгами было совсем худо, и трапеза моя была скудная. Ассоль я дал хлеба, обмакнув его предварительно в тарелку с растительным маслом. Жизнь научила каждый хлебный кусочек сушить и складывать в тряпичный мешочек на черный день, и, когда таковой наступал, этот мешочек был спасением. Травяной чай издавал приятный аромат. Сухари, сахар, дрова потрескивают в печи, что еще нужно для счастья? Дождь усиливал атмосферу уюта в этом стареньком глинобитном домике. Вдруг я вспомнил о старике, которого видел днем. Ведь до сих пор этот эпизод как-то не приходил на ум, а вот сейчас, когда мне тепло и хорошо, почему-то подумалось о старике. Тревога в миг выветрила благодатное настроение.

Ведь неизвестно, где он сегодня ночует, есть ли у него что покушать? А я даже ничего не предложил ему, ни денег, никакой другой помощи. Постеснялся! Что за лукавое чувство? – Стесняться протянуть руку помощи ближнему своему. Вот молился столько, просил у Бога милости, поддержки, а главной заповеди Его не исполнил: прошел мимо нуждающегося. Досада накатила на сердце, и я еще долго не мог уснуть, пока не дал себе слово, что завтра обязательно подойду к старику (если, конечно, его встречу) и сделаю то, что не сделал сегодня, – предложу помощь.

В темноте мерцал слабый огонек лампадки, я всегда оставлял ее горящей на ночь. Не люблю лежать в полной темноте. Будто Божий огонек слегка колышется в ночи. Тишина. Ассоль во сне вздыхает. Мыши вышли на прогулку в поисках добычи. Лучик свернулся на одеяле в моих ногах. Завтра обязательно найду старика...

А наутро выпал снег, белизна раскрасила и облачила поселок, поляны, лес в изумительные наряды. Снежинки искрились под лучами яркого солнца всеми цветами радуги. В наших южных краях снег – редкость, порою зима проходит как затянувшаяся осень и медленно переходит в раннюю весну. Сырость, серые краски навевают уныние и жажду по легкому морозцу и снегу. Известно, что для здоровья мороз полезен, и врачи советуют померзнуть одну зиму хотя бы раз в пять лет. Наши давние предки жили в экстремально холодных условиях, когда среднегодовая температура колебалась от минус 12 до минус 14 градусов. Может быть, поэтому они были чрезвычайно здоровы, выносливы, а главное – высоко нравственны и духовны, ибо тяжелые внешние условия заставляли людей искать в себе скрытые резервы природных сил для преодоления невзгод, морозов, трудностей быта.

Тело помнит все, оно хранит полный набор информации о предыдущих поколениях, цивилизациях и потому просит снега, мороза, метелей.

Мы с Ассоль выскочили наружу и начали радоваться как дети. Я обтирался снегом, а Ассоль прыгала и зарывалась в белый снежный пух. В сердце пробудилась детская, неумная радость – радость от того, что ты просто живешь, дышишь и можешь наслаждаться такими простыми вещами, какие Господь устроил на этой Земле. Я с завистью смотрел на собаку, которая могла полностью отдаться этому веселью, – я же с покрасневшей кожей вернулся в домик, щеки мои пылали. Я быстро оделся, и мы поднялись к нашей часовне. Ассоль я привязал к спинке скамеечки, которая стоит в пяти метрах от входа в часовню. Она немедленно растянулась на снегу и принялась терпеливо ждать меня, потому как знала, что ее хозяин будет в этом странном деревянном домике, откуда доносятся чудные, неизвестные запахи, не менее получаса.

«Что там можно делать, – вероятно, думала она, – когда здесь на поляне столько радости, красок и веселья?! Любят эти люди что-то вечно придумывать себе, не могут, как мы, собаки, просто бегать, кувыркаться и отдаваться свободе, воздуху, солнцу, ветру. Вечно им чего-то не хватает, хотя у них все есть для счастья, а им все мало, ищут что-то необычное,

а оно у них прямо под ногами. Э-эх, люди, люди! Не знаете, что вы счастливы, что купаетесь в счастье, оно с вами, вы окутаны им и буквально полощетесь в нем». Возможно, так думала Ассоль, глядя на мое исчезновение в странном домике, и была не далека от истины, ибо мы забыли первозданную радость от самого бытия, без какой-либо особой причины на то, слишком заболели разумом своим, который увел нас во мрак душевных исканий. А ведь все божественное лежит на поверхности – бери, черпай, наслаждайся и благодари Всевышнего за каждый миг жизни! Ан нет, что-то не пускает отдаться этому естественному потоку блаженства и благодати, в котором пребывает естественно и без каких бы то ни было усилий всякая живая тварь, всякий цветочек, всякая травинка.

Пока я творил молитвы, птицы снаружи развеселились и бойко щебетали, прыгая по крыше часовни. «Как научиться петь как птицы, чтобы не проговаривать молитвы Господу, а сердцем изливать их, как это делают эти пушистые комочки, не ведающие глубокомысленных слов, – поют от души?» – думал я.

Потом мы с собакой побежали в лес по своим родным тропинкам – каждый день совершали мы такую разминку. Что может быть прекраснее, нежели бежать среди деревьев, вдыхать воздух полной грудью и наслаждаться окружающей красотой?! В наших краях растут удивительные, высокие кусты скумпии, листья на которых осенью раскрашиваются в пронзительно-алые, красные и оранжевые тона. Часто можно видеть букеты из таких веток в домах любителей природы. Я был в разных широтах России, но только здесь, на Кавказе, есть такие растения, они поражают воображение и приносят изысканную радость тем, у кого сердца еще могут понимать нежность природы, ее божественность.

Сейчас же на этих листьях лежал снег, необычайно контрастируя своею белизной с алым цветом. Если бы я был художником, если бы я мог перенести эту сказочную неповторимость на полотно! Впрочем, достаточно просто созерцать и чувствовать эту прелесть изнутри, будтоходишь в ее сердцевину и сливаешься с ее сутью, становясь частью этого чуда. Радость и благодать проникают во все клетки естества, и каждый кусочек моего существа вместе с окружающей природой поет и торжествует. Праздник всегда рядом, он всегда с нами, и этот праздник навсегда.

Ассоль бежала впереди, прыгала по сугробам, ныряла в них с головой и сидела так до тех пор, пока я не настигал ее. Однако на спуске я вырывался вперед, и она наступала мне на пятки, стаскивая обувь, что заставляло меня останавливаться и погружать ногу в ботинок.

Мы прибежали домой взмыленные, запыхавшиеся и удовлетворенные испытанными ощущениями движения и созерцания зимних пейзажей.

Конечно, я думал о старике, о том, что сегодня нужно найти его и заговорить с ним. При этих мыслях вновь появлялось щемящее чувство неловкости, но я уже дал себе слово ничего не стесняться. Даже если это будет выглядеть смешным и наивным, я все-таки сделаю то, что решил. Вот только бы старик никуда не исчез.

Но старик никуда не пропал, а так же, как и вчера, стоял у столба с посохом в руках, наклонив голову. Снег лежал на его капюшоне и плечах. Меня пронзила острая мысль, которая уже подкрадывалась ко мне раньше, но я отметал ее в силу нелепости, однако теперь догадка подтвердилась – старик никуда не уходил! Всю ночь он стоял на этом же месте неподвижно и не подавал никаких признаков жизни. Но раз он стоял, значит, ноги держали его и он был жив. Внутри у меня что-то защемило, я с волнением приблизился к нему на расстояние шага и произнес:

– Дедушка, что вы здесь стоите? Вам помощь нужна? Вы меня простите за беспокойство, может быть, вы ждете кого-нибудь? Вам нужно куда-нибудь ехать?

Старик молчал и никак не реагировал на серию моих вопросов, которыми я его забросал в смущении.

– Дедушка, вам плохо? Как вы себя чувствуете? Вы кушать хотите? – я повысил свой голос, думая, что, может быть, старичок глуховат.

Проходящие мимо люди недоуменно посматривали на меня, отчего я чувствовал неловкость, но решил не отступать. Старик будто не слышал меня, и тогда я слегка толкнул его в плечо. Он вздрогнул, будто я его разбудил.

– Дедушка, вы меня слышите? Вам помочь?

Старик начал кашлять.

– Вы замерзли, пойдемте ко мне в дом, согреетесь, и покушаем, что Бог послал.

– Спасибо, тебе, мил человек, – наконец вымолвил первые слова старик. Его голос был тих и мягок, что угадывалось сквозь хриплость.

Старик качнул головой и, откинувшись от столба, произнес:

– Иди, мил человек, вперед, а я за тобой поковыляю. Не спеши больно, ноги шибко подводят, не слушаются старика.

Я хотел взять его под руку, но он замотал головой:

– Не надо, сам дойду как-нибудь.

Мы двинулись в путь, я шел медленно, угловым зрением поглядывая на старика, который ковылял сзади, опираясь на палку и не поднимая головы. Снег так и продолжал лежать на его капюшоне и плечах. Мысли мои смешались, но, главное, я беспокоился о том, как он поднимется на гору, к моему домику. Тут молодой запыхается, а уж старый человек тем более. И еще я думал о том, чем накормить гостя, быстро соображая, что можно приготовить. На ум приходило только сделать горячий бульон из кубика-концентрата, немножко хамсы осталось, чай с сухарями.

Почуввав приближение хозяина, Ассоль уже радостно повизгивала и, когда мы оказались в поле ее зрения, принялась выражать свою радость вращением пушистого хвоста и выразительным воем. Нужно было увести собаку подальше от входа в домик и перевязать, чтобы гостя, не дай бог, не тронула.

– Дедушка, постойте здесь минуточку, я собаку перевяжу, чтобы вас не тронула.

– Не надо, мил человек, не беспокойся, меня собаки не трогают, – произнес старик, с трудом восстанавливая учащенное дыхание.

И действительно, Ассоль вела себя так, будто вовсе не замечала старика, только становилась на меня лапами и пыталась лизнуть в лицо.

– Добрая у тебя собачка, мил человек, а ты беспокоился.

Мы зашли в дом, и я усадил дедушку на старое кресло около печки, пододвинул к нему стол и отправился хлопотать на кухню.

– Сейчас, одну минуту, и все будет готово, правда, у меня с едой не богато, – оправдывался я.

Дедушка прислонил свой посох к печи и сидел, опустив плечи. Лица я его так и не видел. Вскоре перед стариком стоял горячий бульон, от которого поднимался ароматный парок. Старик дрожащими руками, которые были испещрены выпуклыми жилами, взял пиалу и начал тихонько прихлебывать. А тут и чай заварился, сухари стояли на столе.

– Кушайте дедушка, грейтесь, а я сейчас мигом схожу к знакомой женщине и молочка вам принесу.

Старик ничего не ответил, а все прихлебывал бульон. Честно говоря, мне хотелось, пока я буду идти за молоком, побыть одному, чтобы собраться с мыслями.

Я взял трехлитровый баллон, положил его в сумку и пошел по лесной дороге.

Тетя Валя стояла с женщинами из поселка, и они что-то горячо обсуждали. И я вдруг вспомнил новость, которая последние дни будоражила весь поселок. Дело в том, что всем в поселке собирались отключить свет за неуплату. Последнее время цены на электричество настолько подняли, что местные жители не в состоянии были заплатить. Да и откуда им взять

денег, если пенсию не платят уже год, а единственный источник доходов бывает летом, когда приезжают дачники и покупают у них молоко. Но разве на эти деньги что-нибудь купишь? Загнали русский народ в угол, совсем загнали, нет никому дела до его бытия, будто он вовсе не существует. Списывают простой народ, как использованный товар.

Тетя Валя была для меня как мать и давала мне молоко иногда просто так, бесплатно, хотя у нее было трое внуков, которые, собственно, только и жили за счет ее молока и овощей, какие она выращивала на своем огороде. Я не вмешивался в разговор женщин, и так было понятно, что, сколько ни говори, ничего мы сделать не сможем. Тетя Валя дала мне два литра молока, и я, прощаясь и поблагодарив ее, спросил:

– Вы не знаете, откуда старичок взялся, который стоял вчера и сегодня у магазина?

– Какой старичок? Никого не видела.

– Ну ладно, раз не видели, значит, не видели.

Ее ответу я сразу не придал значения, хотя показалось странным, что она его не заметила, потому как у тети Вали острый глаз, она все примечает, все видит, не ускользнет от нее ни одна деталь. Выросла она в лесу, с детства с природой разговаривает как с любимой подругой. Животные ее слушаются, понимают, а в поселке к ней за советом идут, когда сложный вопрос возникнет. Она будто видит все насквозь и чувствует особо тонко и глубоко, проникая в суть бытия.

Ассоль, учуяв, что я несу молоко, пришла в исступление. Я, конечно, сразу отлил ей в миску ее долю, и она стала быстро лакать с фырканием и удовольствием.

Дедушка выпил бульон и чай и, приклонив голову к печи, спал. Его тяжелое дыхание разносилось по комнате. Я тихонько поставил молоко на стол, пошел в другую комнату и прилег на минутку, чтобы не создавать шума и ненароком не разбудить человека. И мгновенно погрузился в сон.

Когда я открыл глаза, в комнате было уже совсем темно, лишь слабый огонек лампадки едва отбрасывал свет на иконы, висящие над нею. Я чувствовал себя отдохнувшим. Сколько сейчас времени? Темнеет рано и не определишь – то ли вечер, то ли ночь уже. Я встал, зажег свет и вдруг вспомнил, что у меня гость! Вот тебе на! Сон так отдалил меня от действительности, что я и не сразу вспомнил о событиях, которые сегодня произошли. Я вышел в другую комнату – старика в доме не было. Господи, да куда ж он делся? Стол стоял на своем обычном месте, на нем лежали продукты – хлеб, пачка сливочного масла, консервы в стеклянных и железных банках. Откуда они? «Может быть, пока я спал, кто-то приходил в гости и принес еду», – была первая мысль. Куда же делся старик? Если он вышел на улицу, то как бы Ассоль его не тронула. После сна поток нахлынувших мыслей привел меня в замешательство, и я не мог ничего толком сообразить.

Часы показывали двадцать один час. Ну и заспался же я! Я вышел на улицу. Небо было затянуто снежными тучами. Ассоль лежала прямо на снегу. Присмотревшись к следам, я увидел, что следы старика ведут наверх, и зашагал по ним. Только я прошел половину расстояния до поляны, как сразу бросилось в глаза, что за окошком часовни горит свет. Может быть, мне показалось, но порыв ветра принес от часовни звуки хорового церковного пения. Что за наваждение? Сердце застучало быстро от волнения, я медленно подходил к дверям. В окошке уже явно было видно множество горящих свечей. Откуда они? У меня там не было ни одной. И вновь более отчетливо послышалось пение, которое было удивительно нежным, добрым и светлым. Я взялся за ручку двери и набрался решимости открыть дверь. Мне было страшно. Старик, свечи, пение, все будто во сне.

Я открыл дверь, и на меня повеяло ароматом роз. У иконы Спасителя жалко тлела лампадка, было темно, тихо, и я не сразу рассмотрел, что старик сидит на скамеечке, справа от входа, со своим посохом и все так же низко склоненной головой. Я ведь видел свечи и слышал пение, куда же все подевалось?!

– Дедушка, пойдемте в дом. Здесь холодно. Кто продукты принес? Кто-то приезжал? Я задремал.

– Ничего, ничего, мил человек, я посидел в твоей часовенке, у тебя не спросил, ты меня извини.

– Да что вы, мне всегда приятно, когда кто-нибудь заходит сюда, значит, это людям нужно. Ведь не только для себя строил.

– Хорошо у тебя здесь. Сладостно на сердце становится. От души, чувствуется, все здесь сотворено.

– Вообще-то мне пора вечернее правило исполнять.

– Вот и хорошо, ты читай молитвы, а я посижу, послушаю, ноги болят, стоять уже не могу.

– Только вот в дом за фонариком сбегать надо, у меня свечей нет, – сказал я и повернулся к выходу. – Вы подождите меня.

– Не нужно никуда ходить, Владимир, – остановил меня старик.

Я вздрогнул от того, что он назвал мое имя. Откуда он узнал? Кто сказал ему? Слишком много странностей для одного дня, пронеслись вихрем мысли. А старик продолжил:

– Вот ты Богу молишься, а не знаешь, что Господь есть Свет, и не в переносном, а прямом смысле. Он каждому дал Свой лучик, вложил в сердце, и вот сердце должно нам светить в ночи, во тьме, помогать дороге видеть, куда идти, чтобы не упасть в канаву или яму. Когда мало веры, то и света нет, во тьме сидим, как мыши, а как прикоснемся к Божьей благодати, так и засветит наш лучик, как звездочка на ночном небе.

Я понимал, что передо мною сидит человек необычный, и его странное появление, и вид, и ряд других непонятных штрихов подтверждали это. Он говорил как-то по-детски, даже по-матерински, без укора, но с любовью и состраданием.

– Вот, мил человек, мы сейчас помолимся Боженьке, и Он зажжет наши лучики, так и почитаем молитвы.

Старик встал, скрипнула половица, он отложил свой посох и откинул капюшон плаща. Я не мог разглядеть лицо человека, с которым общался уже целый день, ибо было темно. Только густая седая борода слегка светилась в сумерках часовни.

Он вытянулся в струнку, будто воин на параде, в его фигуре появилась молодцеватость и бодрость, как будто он мгновенно преобразился из деда в юношу.

– Господи! – громко и медленно произнес он. – Ты Свет всему миру, озари нам тьму, дабы мы могли сотворить Тебе молитву!

Как только он произнес последнее слово, в воздухе будто появились снежинки, они падали сверху и кружились. Сначала они были белыми, а потом начали легонько вспыхивать изнутри ярко-голубыми огоньками. Я смотрел на это явление и не верил своим глазам, что это действительно происходит со мною наяву, а не во сне. Снежинки сверкали все ярче и ярче, в воздухе разлилась такая благодать и покой, что мне захотелось заплакать от счастья. Внутри меня словно разорвались все цепи, открылись все замки, распахнулись все двери и воцарилась такая легкость, какой я не помню со своего детства. Казалось, что мое тело потеряло вес и сейчас оно воспарит вверх.

– Господи, да что же это?! – шептал я. – Неужели такое возможно?!

И услышал ответ старика:

– Что невозможно человеку, возможно Богу, мил человек. Все возможно.

В часовне стало светло, как в ясную, лунную ночь. Я читал молитвы, и слова лились как песня. Я впервые понимал все, что говорил, я был как бы внутри этих слов и видел, что из слов исходит свет. Я чувствовал в эти мгновения, что Господь – во всем, а значит, во всем – свет, только сердце, затемненное невежеством, не позволяет видеть этот свет повсюду и наслаждаться им.

Когда я произнес последние слова вечернего правила, стало темно так же, как и было до того. Все так же тускло коптила лампадка, старик сидел на лавочке, хотя мне казалось, что во время правила он стоял за моей спиной.

Мы молча спускались к домику, я шел первым, а старик за мной. Я оглянулся, перед тем как мы должны были скрыться за кустами, и увидел, что часовня стоит в столбе серебряного света, который уходит от ее основания вертикально вверх до самых облаков, где и теряется. Я остановился, чтобы разглядеть это необычное явление, но оно мгновенно исчезло.

В печи потрескивали последние дрова, мы сели за стол, уставленный бог весть откуда появившейся провизией.

– Ну, что, мил человек, Владимир, – сказал старик, – давай знакомиться.

Он не спеша отбросил капюшон. Я увидел его лицо и остолбенел. На меня смотрели совсем белые зрачки: старик был слеп!!!

Глава 2

Старика звали Арсений.

– Я, мил человек, родился слепым. Много бед перенес я из-за этого недостатка. И казалось мне, что жизнь моя в таком плачевном состоянии бессмысленна, лишь обуза для окружающих. Такое уныние порой наступало, что просто жить не хотелось, вот тако, – рассказывал старик и прихлебывал травяной чай. – В детстве мальчишки мне проходу не давали, дразнили и всячески издевались. Которые постарше – игры затевали такие: стеганут по лицу крапивой, зная, что я не могу увидеть, кто это сделал, и пожаловаться взрослым, и спрашивают: «А ну-ка, узнай, кто это сделал?» А иногда в яму глубокую столкнут, и слышу, как наверху с любопытством наблюдают, как я на ощупь выбираюсь оттуда. Обузой был я для близких своих, лишним ртом, они еле-еле сводили концы с концами. Взрослые вздыхали по поводу моего недуга, говоря: «Несчастный юноша». Чувствовал я, что нет для меня места в этой жизни, пустой я, никчемный, только зря свет копчу и чужими трудами питаюсь.

Я смотрел на его движения, и по нему не было видно, что он слеп, потому как брал стакан, сухари, сахар, не промахиваясь, так, что можно было не заметить его немощь, если бы не зрачки, охваченные белой пеленой и смотрящие в никуда. Лицо его было необыкновенно искренним и светилось добротой. Изъеденная морщинами, темная, обветренная кожа, высокий, открытый лоб, седые волосы до плеч и борода прямоугольная до половины груди, прямой нос, губы скрыты пышными усами, переходящими в бороду. Между тем глаза его улыбались и светились теплом и детской искоркой. Лучик хотел запрыгнуть ему на колени, но не рассчитал и чуть было не упал, но успел зацепиться когтями за плащ незнакомца. Старик подхватил котенка и посадил на колени. Потом в задумчивости погладил Лучика своею сухой, жилистой рукой.

– И задумал я однажды, Владимир, страшный грех... Смертоубийство, хотел себя жизни лишить, так немила стала мне жизнь, опостылела. Хотел повеситься. Пошел в сарай, запасся веревкой и, когда уже хотел голову в петлю засунуть, увидел вдруг, как из темноты, какая всегда окружала меня, пришел свет! Да такой нестерпимой силы, что ноги мои подкосились и я на колени упал. А в свете том Сам Спаситель Мира приблизился. Смотрел Он на меня с такой скорбью и состраданием, что я спросил: «Что с Тобою, Господи?» А Он смотрит на меня, и вижу, как по щекам Его слезы катятся. Он мне отвечает: «Из-за тебя плачу, Арсений. Что ты такое преступление задумал. Ведь Я для счастья произвел тебя на свет, чтобы ты не только себя спасал, но всех страждущих и плачущих укреплял, а ты вот решил уйти от Меня и отдаться в лапы дьяволу – врагу Моему», – Арсений сделал короткую паузу, вытер рукою усы и продолжил:

– Я ему и говорю: «Господи, да какое ж мне счастье во тьме жить? Слепых котят и тех топят, чтоб не мучались, а я ведь, как слепой котенок, не то что людям, себе ничего сделать не могу. Лишь обуза для всех». А Христос мне отвечает: «Эх ты, Арсений, несмышленный, темно тебе не оттого, что глаза твои не видят, а оттого, что без Бога, без веры живешь – вот и темно тебе. Сердцем видеть надо, а не глазами, а коли сердце твое темно, то и мрак вокруг тебя. Я лишил тебя зрения не в наказание, а во славу Божию, чтобы ты научился душою мир воспринимать и другим пример подал. Ведь сколько вокруг тебя людей зрячих глазами, но слепых сердцем, сколько слышащих ушами, но глухих душою».

После этих слов, брат Владимир, видение исчезло, а я еще долго лежал на земляном полу в сарае в темноте и плакал навзрыд...

– Вам чайку еще налить? – спросил я, чтобы как-то отвлечь старика от грустных воспоминаний, а он продолжал, будто не услышал меня:

– С тех пор жизнь моя переменялась, мил человек. Будто я жил действительно во мраке, и начал из него потихоньку выбираться. Старался по-Божьи жить и дела Божии творить, так постепенно и приходило ко мне то сердечное зрение, о котором говорил мне Господь в тот страшный день юности моей.

– Сколько ж вам лет, дедушка?

– Не помню, мил человек, со счета сбился. Да и зачем мне знать, ибо, когда человек по-Божьи живет, у него и возраст по-другому меряется, не по годам, а по делам добрым. А вообще-то стар я, Владимир, совсем тело мое износилось и на покой просится.

– Вы, наверное, многое повидали в своей жизни?

– Да уж довелось, довелось... И по России-матушке походил, и на Афоне побывал, и даже в Иерусалиме у Гроба Господня молился. Вот тако! Мил человек, жизнь посмотрел, людей, все, что можно. Устал я, – старик тяжело вздохнул, и впервые за все время беседы на его лицо и фигуру легла печать вековой усталости. И в этот миг я понял, что предо мною сидит человек, который действительно уже прожил не менее века.

– Давайте ложиться спать, – сказал я. – Уже поздно. Я постелю вам вот на этой кровати, она стоит у печной стены, и вам будет ночью тепло.

– Спасибо, мил человек, за то, что принял меня. Если разрешишь, я некоторое время поживу у тебя... Если не возражаешь.

– Конечно, дедушка, живите, сколько хотите, только вот с продуктами у меня не ахти как.

– Ничего, ничего, мне много не нужно, мне все Бог дает.

– Кстати, а кто принес эту еду? – спросил я наконец, вспомнив, что до сих пор не выяснил, кто же приходил к нам, когда я спал.

Арсений улыбнулся и, поглаживая Лучика, который нежно мурлыкал у него на коленях, свернувшись калачиком и лежа на боку, проговорил:

– Все поймешь, Владимир... Пройдет время, и узнаешь, Кто действительно нам все дает, когда нам это нужно.

Дедушка Арсений отказался раздеваться и ложиться в постель, сказал, что будет спать в кресле, и, как я его ни упрасивал, он был непреклонен.

– Не волнуйся, Владимир, мне хорошо в кресле. Мне уже не положено спать по возрасту. Мне нужно быть бодрым, слышать Бога, так как конец мой уже не за горами. Я слишком близко приблизился к вечности, чтобы встречать ее во сне... А ты ложись, ложись.

Ночью разгулялся ветер. В наших краях бывает такой сильный ветер, что воистину бедствием является для местных жителей, называется он норд-ост. Он, как ураган, налетает на города, поселки и сносит все на своем пути, к тому же он очень холодный и покрывает ледяным панцирем деревья, дома, дороги, корабли. На море из-за него нередко случаются трагедии – тонут суда под тяжестью ледяного панциря.

Вот и сегодня ночью началось ветряное нашествие. Около моего домика стоят два высоких тополя, которые видны издалека, и потому мой дом называют домом у двух тополей. Я слышал, как за окном ревели тополя и падали обледеневшие ветки. С поляны доносились звоны – от ветра рельсы раскачивались и ударялись. На крыше что-то ухало, в печной трубе гудело. Сквозь какофонию этих грозных звуков казалось, будто доносятся чьи-то крики, зовут на помощь.

Я вслушивался в эти стонущие голоса и незаметно погрузился в глубокий сон.

Глава 3

Утром все было покрыто твердой ледяной коркой, ветер не унимался. Ходить по такому ледяному панцирю было очень трудно и опасно, тем более в наших краях, где почти нет горизонтальных дорог, а только либо вверх, либо вниз. С утра, когда старик еще спал, по крайней мере мне так казалось, я отправился в город, где мне обещали одну работу за плату.

Так потянулись дни нашего совместного жития. Приезжал я из города поздно вечером, уставал так, что сразу падал в кровать и забывался сном. Не было даже времени поговорить со своим новым жильцом, да и сам Арсений не вызывался на разговоры, а сидел тихо, погрузившись в себя. Лучик не слезал с его рук. Те продукты, которые появились необъяснимым образом в первый день нашей встречи, были большим подспорьем. Старик почти ничего не ел, а только пил травяной чай с сухарями.

В часовню мы уже не ходили молиться, так как было очень скользко и холодно. Я совершал вечернее и утреннее молитвенное правило в домике, а старик сидел около меня на кровати и внимательно слушал. Иногда он вставал и, перекрестившись, делал земной поклон.

Самое главное, что я, неуютно чувствующий себя, когда рядом просто были люди, а тем более незнакомые, совершенно не ощущал никакого дискомфорта от присутствия старика. Одиночество, к которому я стремился, которое любил, нисколько не нарушалось. Старец Арсений обладал редким качеством присутствовать при полном отсутствии так, что не было никакого стеснения. Он не задавал никаких вопросов, сам разговоры не затевал, пока чего-либо не спрошу. Понимал мои настроения с полуслова и, хочется сказать, с полужеста, потому что, несмотря на свою слепоту, мне кажется, он видел все.

Однажды я увидел, что Лучик бежит из кухни во двор и в зубах у него мышь. Сразу я этому не придал никакого значения, ведь ловить мышей для кота – это совершенно естественное занятие, если бы не одно «но», которое в тот момент я упустил из виду. Через некоторое время, когда Лучик подошел ко мне и смело, а главное, точно совершил прыжок, приземлился прямо на мои колени, меня осенило. Господи! Да ведь слепой котенок не может поймать мышь! Лучик обрел зрение!

Я тут же начал с ним проводить эксперименты, привязал на конец нитки скрученную бумажку и начал играть с ним. И Лучик точно и цепко ловил бумажного мышонка. Кровь прилила к моему лицу, и я почувствовал, как щеки разгорелись от такого волшебного происшествия. Я вышел в комнату, где сидел старик, и взволнованно сказал:

– Дедушка, котенок наш прозрел, стал видеть! Вчера он поймал мышонка, а сейчас он точно ловит эту бумажку.

Арсений улыбнулся, и мне показалось, что глаза его засияли радостными огоньками, он спокойно произнес:

– Так что ж тут особенного? Видит, конечно, а почему ж ему не видеть? Христос на то и приходил в мир, чтобы слепые прозревали, а глухие слух обретали. Что ж ты, Владимир, удивляешься? Господь мертвых воскрешал.

– Так это когда было, дедушка, две тысячи лет назад, сейчас, мне кажется, таких чудес уже не случается.

– Экий ты приткий, мил человек, не случается – рассудил все. Не случается по неверию нашему, по невежеству, потому, что сердца людские запечатаны стяжаниями мирских благ, а души во мраке грехов плутают. Для Бога, Владимир, нет «раньше» или «позже». Он всегда с теми, кто любит Его, кто призывает Его на помощь и верит, что эта помощь придет непременно. Вот ты все допытывался, откуда у нас продукты взялись, кто принес, а принес-то нам их Господь – вот как, мил человек.

Я молчал, переваривая услышанное и понимая, что невольно стал свидетелем чего-то непостижимого, того, о чем можно только прочесть в книгах, но простому смертному лицезреть не дано. «Может быть, это все мне снится?» – проскакивала порой мысль, я щипал себя за грудь, чувствовал боль, что отметало всякие сомнения: все это действительно происходит со мной наяву.

Как-то ночью я проснулся от того, что в комнате было светло. Мне вначале показалось, что с вечера я не выключил свет. Картина, открывшаяся мне, была совершенно поразительна. Старец стоял посередине комнаты и ростом был выше потолка, который, кстати, вообще отсутствовал, а было лишь открытое бездонное небо. Оттуда лился нестерпимый свет, вокруг летали птицы и пели неземные песни, а во все стороны простирались бескрайние долины роз до самого горизонта, и благоухание наполняло мир сладостным ароматом. Голос старика звучал громко и был подобен мелодичному, низкому колокольному звону: «Господи, – сказал он, – сколько же можно мне жить еще? Устал я, Господи, истощилось тело мое, истосковалась по Царству Небесному душа моя. Возьми с собой меня, Господи».

Старец смотрел вверх, прямо на нестерпимый свет, который нисходил с небес, и глаза его могли вытерпеть это явление. Я же мог только смотреть по горизонтали, столь ярко было небесное сияние, но и при этом мои глаза слезились, и в них была резь. Мне показалось, что я услышал ответ старцу, который был подобен шуму волн, порыву ветра, шелесту листьев.

– Рано тебе, Арсений, мир этот покидать, кто же соблюдет в нем Слово Мое?

– Стар я, Господи, – взмолился Арсений, – да ведь у людей есть Слово Твое – Святое Евангелие.

– Буква мертва, если она не живет в чьем-либо сердце. Твое сердце – Мое живое Слово, и ты должен пронести его для будущих поколений. Грехи людские дошли до неба, и Я проведу мир через огненные испытания, и тем, кто останется после Суда Моего, ты должен будешь передать Мое живое Слово.

– Мои глаза не видят, руки не слушаются, ноги не ходят, как же мне, Господи, возможно прожить еще столько лет?

– Мне все возможно, – прогремели как гром последние слова, приходящие с неба.

В один миг стало темно и тихо. В темноте я разглядел старца, сидящего на стуле перед иконами. Руками обхватив лицо, он тихо всхлипывал и шептал: «Как же, Господи стар я, куда ж мне пройти горнило огненное...»

Мне кажется, что Арсений не заметил того, что я невольно стал свидетелем глубокой тайны – небесного свидания.

На следующий день после этого видения старец был чрезвычайно печален, и я старался меньше его беспокоить, к тому же в нашем поселке произошло событие, приближение которого уже давно было главной темой, волнующей местных жителей: тем, кто не мог заплатить за электричество, отключали свет.

Конечно, активисты ходили в администрацию, просили, но все усилия оказались напрасными. Приехала специальная машина, молодые энергичные парни забирались в «кошках» на столбы и орудовали плоскогубцами. Действовали они лихо, делая это даже с некоторым удовольствием: раз – и готово.

Вечером поселок погрузился во тьму, почти во всех домах не было света, и только если приглядеться, то можно было заметить за окнами тусклые отблески то ли свечей, то ли керосинок, то ли самодельных коптилок, которые представляли собой маленькую баночку, наполненную постным маслом, и в ней – фитиль из тряпицы или ваты. Такой светильник чрезвычайно коптил, да и масла не напасешься, тем более этот продукт лучше использовать для питания, чем сжигать.

Впрочем, вскоре все успокоились и привыкли жить без света, мне даже показалось, что люди стали спокойнее и рассудительнее. Может быть потому, что вынуждены были раньше

ложиться спать или оттого, что перестали получать информационный допинг от телевизоров?

С высоты своей горы я смотрел на поселок и мне казалось, что вот скоро вся Россия погрузится во мрак, чтобы потом, когда люди осознают свое отступление от Божьих истин, вновь воскреснуть и расцвести небывалым образом. Но все это будет, только если мы найдем утерянные жемчужины истины и отмоем их, только тогда они засияют небывалым свечением и озарят мир правдой, любовью и добротой.

Еще мне думалось, что каждый человек в этой жизни, в этом грозном, жестоком мире – жалкая песчинка, которая пытается, как-то выжить, уцепиться за что-нибудь материальное, вещественное. Каждый ищет соломинку, которая помогла бы переплыть этот бурный, бушующий океан невежества и зла. Но эти соломинки на самом деле не удерживают на плаву странника, а, наоборот, увлекают его в темную пучину, ибо соломинки эти – фальшивые, обманчивые, их придумало человечество для того, чтобы придать своему существованию смысл, вот все и гонятся за этими лживыми поплатками. Однако еще никому не удалось с их помощью обрести себя, найти свое предназначение на земле и, кроме того, открыть путь к небесному существованию.

Надо мною было чистое, ясное небо. На черном бархате ночного неба мирно мерцали далекие звезды. Изредка темноту разрезали синими стрелами падающие метеориты. Я стоял под куполом вселенной и понимал, насколько я мал, как ребенок, несмотря на то, что я уже взрослый. Я искал свое место в жизни, искал такую стезю, идя по которой можно было бы и возвращать в себе божественное и в то же время иметь свое место в социальной среде, чтобы зарабатывать на жизнь. Но так и не сумел я соединить земное и небесное, чтобы эти два начала связались гармонично и без ущерба для какой-либо стороны. Когда я уделял много сил и внимания материальному, божественное тускло и гасло, когда же погружался в Божье, тогда мирское приходило в упадок. Разве нет выхода? – миллионы раз я спрашивал себя, Всевышнего, когда проводил долгие часы и дни в молитвах, размышлениях, одиночестве.

Человек приходит в эту жизнь, суетится, трудится, стремится, а потом все кончается, и почти бесследно исчезает человек с земли, будто и не было его вовсе. А главное, что за время жизни он так и не успевает, не может остановиться и найти то главное, для чего Господь извлек его из небытия на свет. Вот там, на небе, каждая звезда имеет свое место, свое предназначение, она указывает путь странникам, путешественникам, она светит, чтобы людям не было грустно и одиноко. Что же могу сделать я? Для чего я? Освещаю ли я кому-нибудь путь, помогаю ли людям, чтобы им не было грустно и одиноко? Да и как я могу помочь другим, если не могу помочь себе, не могу зажечь в своем сердце светильник добра и любви!

Было уже поздно, и с такими размышлениями я зашел в дом. Арсений как всегда сидел на своем любимом месте, на кресле у печи. Голова его была опущена и, казалось, что он спит. Я сел у топки, открыл дверцу и начал смотреть на тлеющие головешки. Разгребая в печи угли железной скобой, я невольно тихо сказал: «Что я могу сделать?» Вдруг старец поднял голову и спросил:

– О чем это ты, мил человек?

– Я думал вы спите, наверно, я вас разбудил.

– Что тебя, Владимир, беспокоит?

– Да не стоит об этом, у вас своего хватает, чтобы еще меня слушать.

– Экий ты, Владимир, «свое», «мое». Нет на самом деле между людьми разделения, все мы – один большой организм. Когда в этом большом теле один орган или клетка болеет, то боль на всех отражается. Хотя другие могут и не чувствовать, вернее не давать себе отчета, что к ним приходят волны отчаяния, боли, скорби, а они все равно невидимо в человека проникают и приносят ему вред. Скажем, согрешил кто-нибудь, преступление совершил какое,

а оно на всех людей разносится, и каждый становится как бы неявным соучастником этого преступления. Вот оно как, мил человек.

– Ну, а если сделал что-нибудь хорошее, доброе – тоже все людям передается? – спросил я.

– А как же?! Все мы, люди, связаны в одну упряжку, и если кто тянет назад, то всем тяжело двигаться, жить, а если кто налегает, то всем легче. Только вот отстающих видно, а тот, кто изо всех сил старается, как правило, не замечен, ему тяжело, но он делает Божие дело – помогает всем людям, всему человечеству. Истинно доброе, светлое, Божие всегда незаметно, вернее, людям может быть не видно, но Господь-то все видит.

– Может быть, это так, дедушка, но только я вот ничего не делаю, вернее не могу найти своей тропинки, куда мне идти, что делать, чтобы и себе, и людям помочь.

Старец улыбнулся, глаза его сузились и заиграли лучистыми огоньками.

– Это верно, что раз себя не находишь, себе помощь не окажешь, то и другим тем более помочь не сможешь. А коли себя обретишь, найдешь в себе Божие начало, Царство Небесное, то и от твоей находки всем достанется.

Я вздохнул и сказал:

– На словах-то это так, а вот на деле у меня ничего не получается. Сколько лет я копаю, как жучок, эту трясику жизни, а ничего не накопил ни в духовном, ни в материальном плане. В материальном плане вообще скатился в яму нужды и бедности.

Старик опять улыбнулся, и мне стало даже обидно, что он со мной, как с котенком, играет и не хочет меня понять, как бы не считая мои переживания серьезными.

– Истинно так, мил человек Владимир, все Божие делание похоже на муравьиный труд, и кажется, что нет ему конца, а главное – как бы и результатов нет. На самом деле решимость нужна, нельзя отступать на полпути и разочаровываться раньше времени. Вот представь себе, что ты посадил сад, ухаживаешь за ним, заботишься, землю удобряешь, обрезку вовремя делаешь, поливаешь, а год проходит – и плодов нет, другой минует – а плодов все также нет, третий – и опять ничего. Вот ты и решаешь, что напрасны и пусты были твои усилия. А на самом деле деревьям, чтобы они заплодоносили, нужно еще годок-другой, а ты руки опустил, засомневался и бросил свой сад на произвол судьбы. Доводить нужно все до конца – вот в чем простой секрет, не все его разумеют. Вы ж как хотите? Что б побыстрее, побольше, да и что б труда поменьше – потому и сорняки только у вас на огородах растут и процветают. Дойти, доработать надо до конца – и Господь, мил человек, воздаст по твоим трудам сторицей.

– Может быть, дедушка, только мне не видится свое будущее никак. Все пробовал и как-то ни к чему сердце не лежит. Другие, вон, умеют как-то устроиться в жизни, а мне будто отрезано, будто стена стоит, и я на нее постоянно натыкаюсь.

– Да, что ты, Владимир, не дано! Как это не дано? Ты же что пробовал, с кого пример брал? А Бог-то, кого любит, тому не даст пройти широкой дорогой, не даст ему успеха ни в чем, кроме того, что специально для человека приуготовил. Узка эта твоя тропинка, почти не видна, а ты ее найди, да и пройди по ней, не смущаясь и не обращая ни на кого внимания – вот тогда и придет к тебе и благополучие, и радость, и счастье. Ведь ты как хотел? Как все. Положил деньги в банк, и там тебе проценты капают, а ты тем временем кофей где-нибудь на островах в кресле попиваешь. Если Господь не любил бы тебя, если бы ты для Него не представлял никакого интереса, то Он, может быть, и не следил бы за тобой так пристально и дал бы тебе возможность идти этой широкой дорогой, ведущей в бездну. А так, Он заботится о тебе, любит тебя и наблюдает, чтобы ты не свернул со своей дороженьки в сторону, туда, где все ходят, и не известно, куда потом приходят. Пойдешь по своему пути – к Богу придешь, все у тебя будет, а не пойдешь – так потеряешь и то, что имеешь.

Старик замолчал, и я тоже, обдумывая такие удивительные слова, которые будто пелену с глаз моих снимали и обнажали мое действительное бытие. На душе стало как-то тепло и очень спокойно. Как проста Божия мудрость, но как трудно дойти до этой простоты. Как хочется иногда все забыть, все-все, чтобы ничего не помнить, не знать, не понимать, а быть открытым, как ребенок, как цветок полевой, который все принимает и всему радуется – и солнцу, и дождю, и ветру.

Я чувствовал себя стариком по сравнению с этим человеком, который к старости стал чист, искренен как дитя. Мудрость, которую я так долго накапливал, наивно думая, что в ней спасение мое, мое счастье, оказалась хламом, завалившим мою душу и сердце, отчего внутри у меня сыро и мрачно, как глубокой осенью. Вот Арсений – как весна, хоть он и говорил Всевышнему, что истощился телом, да душа у него словно у птицы весенней, радостно поющей гимн небу, солнцу и жизни. Мне вдруг вспомнилось наставление мудрецов: если вы встретите старика, который радостен и весел, как дитя малое, живите рядом с ним, ибо он достиг высшего.

– Бывают и у меня трудные минуты, брат Владимир, бывают, когда кажется все – конец, нет выхода, только тьма впереди и никаких надежд. Но скажу тебе, что в такие минуты Господь не оставляет нас, как нам кажется, а попускает нам некоторые скорби, чтобы мы укрепились в вере еще больше. Разве в благополучии человек вспоминает о высшем? Лишь когда надежд нет на земное, человеческое, тогда и вспоминаем о Создателе, Отце нашем небесном.

Старец провел рукой по бороде, разглаживая ее.

– Мне было столько же лет, сколько сейчас тебе, Владимир. Годы те в России были – сущий ад, который попустил людям Господь за отступление. Людей ссылали, расстреливали ни за что, издевались как звери. Меня тоже арестовали и на Соловки отправили.

– Вы и на Соловках были? – воскликнул я, забывая, что передо мною сидит действительно старый человек, о жизни которого я почти ничего не знаю.

– Был. И не я один, миллионы людей попали за колючую проволоку, но вернулись немногие. Не буду тебе рассказывать, брат Владимир, каких ужасов я там насмотрелся, не хочу тебя расстраивать, да и память об этом излишне не хочу беречь. Однако поведаю тебе один случай, который поможет тебе в жизни, особенно в трудные минуты – будешь вспоминать, и будет тебе эта история поучением. Уже не помню, за какую провинность, но посадили меня в карцер вместе с одним стариком, которому было тогда столько же лет, сколько и мне сейчас. Старика звали Феодосий, он священником был, говорят, что много лет он в Иерусалиме у Гроба Господня служил. Заключенные его не трогали, уважали. Ах! Ну да, вспомнил, заступился за меня отец Феодосий. Бандит один, местный уголовный авторитет, хотел проучить меня, а старец удержал его. Схватил за руку, в которой был занесенный нож. Начальство лагерное каким-то образом разузнало такое дело, вот нас двоих и упрятали в карцер. А карцер этот, мил человек, считай, что – могила, так как оттуда только трупы выносили, никто не выдерживал там более десяти часов. Мороз минус сорок, внутри все обито железом. А нам двое суток назначили, понимая, что живыми мы уже оттуда не выйдем... Остались мы вдвоем, двери за нами закрыли и засовы задвинули. Страх на меня напал жуткий, конец, думаю. Стал я в этой маленькой комнатенке бегать, прыгать, чтобы согреться и старику говорю, давай отец шевелись, иначе погибнем, а он стоит себе. Вскоре устал я и понял, что все бесполезно, в бессилии опустился на колени и заплакал. А холод уже прямо к сердцу подбирается. Кончилась, думаю, твоя жизнь, Арсений. А старец мне говорит: «А ну давай молиться, Арсений, становись рядом со мной и будем Господа и Царицу Небесную просить о помощи». Отец Феодосий стал вслух на память творить молитвы. Я стою рядом, прижавшись к нему плечом, и пытаюсь повторять за ним каждое слово. Дрожь до костей пробивает. Не знаю, сколько времени так мы стояли и возносили мольбы к Богу о помощи, а только кажется мне, что в голове у меня началось помутнение. Будто какая-то молочная

пелена опустилась на меня сверху. Уже перестал я чувствовать холод, перестал ощущать, что мы в камере находимся. Стены как бы исчезли, и вижу я, как стоим мы в поле, а сверху лучи солнечные пробиваются сквозь белесую пелену. Вокруг нас цветы стали распускаться, издавая аромат такой, что слов для описания блаженства от их благоухания не найти. А старец все молится, и слова его становятся все громче, чище, разносятся они по всему миру и даже до небес доходят. И тут увидел я, что там, откуда теплые лучи лились на нас, Царица Небесная стоит в воздухе и улыбается нам. И столько в ее взоре чистоты, любви и нежности, что почувствовал я перед Нею великое смущение, не могу смотреть Ей в глаза. Опустил я голову, а внутри у меня тепло разливается сладостными волнами, каждая клетка радостью трепещет и песни поет от счастья.

Арсений во время этих слов преобразился, и мне показалось, что от лица его сияние стало происходить, в комнате стало светлее, и легкий ветерок прошелся по дому с ароматом весны и цветов.

– Очнулся я от этого видения, только когда засовы стали открывать в карцер. Все исчезло. Стало вдруг снова темно и холодно, как и было вначале. Помню удивление наших охранников, которые ожидали трупы замерзшие увидеть, а перед ними два живых человека стоят. Даже врача вызвали, который сунул мне руку под телогрейку, чтобы убедиться, тепло ли мое тело и воскликнул: «Этого не может быть! Они теплые!»

– Воистину, это чудо! – произнес я, взволнованный этим сокровенным рассказом, с ощущением, что это произошло со мной, и я вместе с Арсением пережил это удивительное событие.

– Чудо, мил человек. Но на самом деле чудеса с нами происходят постоянно, только мы их не замечаем, не видим. Жизнь, которую нам даровал Господь, сама по себе – уже чудо. Мы дышим, любим, наслаждаемся красотами природы – и все это истинное чудо, к которому мы привыкли и принимаем как обыденное, должное. Нам, мил человек, Всевышний даровал праздник, который всегда с нами, и мы должны праздновать жизнь, а не проплакивать ее.

– Но ведь бывают темные полосы, неприятности, несчастья и еще много того, что омрачает наше существование. Как же с этими сторонами жизни быть, неужели и они имеют какое-то значение?

– А как же? Боль, страдания, переживания – лишь отзвуки той большой любви и нежности, какая ждет странника после того, как он все преодолет. Пройдет твоя жизнь, Владимир, вспомнишь ты свои тревоги, неудачи, падения и улыбнешься, ибо узрешь в таких, казалось, ненужных, вредных для человека явлениях Божию благодать. Ведь нас Господь пытается оторвать от временного, тленного, мирского, к чему мы необычайно привязаны и что мы считаем необходимостью для удовлетворенной жизни. Мы же чрезвычайно держимся за эти привычки, привязанности, стереотипы и ни за что не хотим упускать их, как ребенок держится за любимую игрушку. Господь же хочет не отнять у нас, а забрав временное, дать, подарить вечное, а для этого нужно сначала лишить нас прежнего, ветхого облачения, ношеной одежды. Невозможно на старое надевать новое. Вот и получается конфликт, неудачи, даже болезни, когда Господь у нас отнимает прошлое, временное. А на самом деле человек, действительно, рожден для счастья, любви, блаженства, но, чтобы их приобрести, нужно расчистить душу свою от хлама, от ненужного старья, которое как тучи закрывает солнце. Э-эх, если бы люди знали, какое счастье ждет каждого после того, как они оставят прежнее, если бы они только одним глазком увидели те райские блаженства, которые уготовлены им! Бросили бы без сожаления все, что им кажется важным, нужным, значимым и ринулись, как птицы, навстречу солнцу.

– Трудно, дедушка, понять, что страдания ведут к счастью, что они нужны.

– Человек, мил брат Владимир, как камень драгоценный, самородок, который нужно обработать, чтобы он засиял неземной красотой и благодатью. Спаситель, как искусный

мастер, обрабатывает камни нашей души. Нам больно, плохо, мы стонем и плачем, а когда работа закончится, скажем Всевышнему: «Спасибо тебе, Господи, что обработал нас, что соделал нас подлинно чистыми и светлыми».

– Интересно ваше сравнение человека с драгоценным камнем.

– Вот взять, к примеру, меня. Ведь если бы не испытал я много, не пережил, если бы был я отроду зрячим, здоровым, удачливым и жизнь бы моя складывалась, как по маслу, то чтобы из меня получилось? Животное – сытое, довольное. Разве я смог бы познать высшую любовь Божию, нашел бы себя как создание, предназначенное для проявления высшей любви людям – нет! Жил бы как растение в темноте, невежестве и страхе.

В доме нашем воцарилась торжественная тишина. Все было вокруг прежним: и эти старые стены с дырками у пола, разрытые мышами и крысами, и эта печурка в щелях, из которых выходил дым, когда разжигашь печь, и эти кровати, и иконы, но в то же время все стало каким-то живым, светящимся изнутри. Мне передалось то чувство, какое пытался выразить старец Арсений посредством простых, ясных слов. Вокруг нас была маленькая сказка, в которой дедушка – добрый волшебник, который эту сказку сотворил, а я – гость, попавший на волшебный праздник. Я в эти минуты видел, что во всем, что нас окружает, есть смысл, глубокий смысл, который для привычного взора скрыт, а для прозорливого открыт. Что-то вечное вошло во все предметы, и эта вечность привнесла безграничный покой, ибо и я был частью вечности. Так к чему же грустить? Грусть присуща только временному, а вечному – только счастье, и чем более вечными категориями ты живешь, чем более твои мысли и чувства устремлены к небесному, тем больше небесного рядом с тобой, тем светлее и радостнее каждая минута бытия.

– Вот тебе, мил человек, тайна, которая так открыта и обнажена, что приблизиться к ней с привычным умом и чувствами невозможно, она прячется от мудрецов, взрослых, а дается детям, чистым душам с незамутненным разумом и сердцем.

На плите стоял казанок, который пыхтел паром, вырывающимся из-под крышки. Спать не хотелось, напротив, было желание, чтобы этот вечер продолжался без конца, столь мирно было у меня на сердце.

– Место у тебя, Владимир, замечательное, чудное. И гора, на которой ты живешь, и часовенка.

– Как же вы видите, дедушка?

– А мне, мил человек, Бог зрение дает иногда, когда я сердцем к чему-либо прикасаюсь. Вот я и к твоим местам прикоснулся, и Господь мне открыл всю здешнюю красу. Я ведь тебе не говорил, как я попал в твои края. Как понимаешь, странствую я по жизни, туда иду, куда Господь посылает. Жил я последние годы в одной деревушке, километров за тысячу отсюда. Последнее время здоровье стало сдавать, начал уже к смерти готовиться. А ангел Господень явился ко мне и говорит: «Поезжай, Арсений, на юг, в Краснодарский край», – твой поселок назвал. – «Как приедешь, стань в самом центре, чтобы тебя люди видели, и жди. За тем, кто первый к тебе подойдет и предложит помощь свою, последуй. А дальше я скажу тебе, что делать». Вот так я попал в твои края... Скажу тебе, что Дух здесь Святой в воздухе парит, мне даже показалось, что я стал чувствовать себя лучше. Помолодел что ли, – старик улыбнулся и продолжил, – Чувствую, что здесь путь какой-то лежит, начало его. К воротам подошел, а дальше пока не пускают. Ждать надобно. Господь мне скажет, что делать дальше. Ты уж потерпи меня, Владимир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.